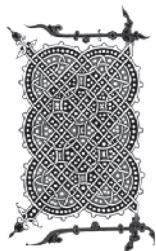

ИССЛЕДОВАНИЯ

© 2022 О. В. Матвеев
Краснодар, Россия

«ПАЧАЎ З ТАЕ ПАРЫ ПЯТРО ВЯЛІКІ ЦАРСТВАВАЦЬ ДА ВОРАГАЎ ПАБІВАЦЬ...»: ИМПЕРАТОР В ЗЕРКАЛЕ НАРОДНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Аннотация. В статье анализируются народные исторические представления об императоре Петре Великом. Автор рассматривает восприятие Петра I в контексте традиционной системы ценностей, идеальной модели царя и государства, отвечающей народным взглядам. Немало сюжетов народной истории имеют аналогии, что говорит о постоянных и интенсивных, несмотря на все существовавшие границы, взаимосвязях. Труды монарха по возведению здания империи, его борьба с внутренними и внешними врагами, запредельная цена петровской модернизации вызывали неоднозначную реакцию в картине мира, находили отклик в историческом сознании, получали различные оценки. Развитие в рамках единой государственности выдвинуло на первый план созидательные и патриотические деяния, однако не оставило в забвении и драматические события в истории народов.

Ключевые слова: Пётр Великий, народные исторические представления, крестьяне, этноконфессиональные стереотипы, предания, исторические песни.

Ссылка при цитировании: Матвеев О. В. «Пачаў з тае пары Пятро Вялікі царстваваць да ворагаў пабіваць...»: император в зеркале народных исторических представлений // Традиции и современность. 2022. № 31. С. 3–21.

Статья подготовлена по проекту государственного задания на оказание государственных услуг по теме «Философско-исторические основания российской государственности: ценности и смысловые практики Российской империи XVII–XIX вв.» FZEN-2022-0014. Номер по КубГУ: 22/164т.

Матвеев Олег Владимирович (Matveyev Oleg Vladimirovich) – доктор исторических наук, профессор Кубанского государственного университета, эл. почта: ovm1965@list.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1630-1484>

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2022. № 31. С. 3–21

Выявление общего и особенного в исторической культуре народов России представляется актуальным в плане изучения идентичностей и этно-культурных стереотипов, объяснения многовекторности развития. Особенно интересен срез народных исторических представлений, где во многом универсальные механизмы традиции взаимодействуют со сложившимися у народов установками о «своем» и «чужом». В статье предпринята попытка охарактеризовать народные исторические представления о Петре Великом.

В народных исторических представлениях образ Петра I сопровождается многоголосицей мнений, соединяющих реалии и идеальные модели царя, впечатления крестьян, мастеровых, казаков, староверов. Он и царь-труженик, и славный военачальник, флотоводец, защитник простых людей, справедливый судья, но он же и подменённый царь-антихрист в картине мира русских старообрядцев, деспот, который не щадит стрельцов, насаждает рекрутину, отбирает вольности у казаков. Народ не забыл того, что Петр драл с него три шкуры: горька солдатская доля, именно в петровское время пошли гулять по России рекрутские «плачи», на костях возводится Петербург, неимоверно тяжело прокладывается Ладожский канал, даже «земля сырья» плачет от тяготы народной. Петр «нанес большой удар по своему авторитету среди башкир» (Акманов 1993: 16), когда выдал башкирских послов на расправу в 1706 г. В одном из вариантов предания о Мурзагуле Пётр «задумал вырвать эти места из рук башкир» (Башкирские 2015: 150) для строительства Белорецкого завода, и «между башкирами и русскими заводчиками началась открытая война» (Башкирские 2015: 151). В украинской песне «У Глухове, у городе» говорится о «козаченьках», которых «на линию гонять» для постройки крепостей: «Ой, идить же вы, панове, / До Петра, до свата. / Ой, там буде вам, панове, / Велика заплата: / По заступу у рученьки, / Да ще и лопата». Здесь для «свата»-Петра песня находит, прежде всего, горькие и гневные слова (Грушкин 1941: 154).

Однако, чем дальше уходили в прошлое суровые времена Петра I, тем больше усиливалась тенденция идеализации и почитания первого русского императора (Буганов 2013: 94–95). На первый план выступает воплощение идеальной модели царя, отвечающей народным представлениям. Царь не гнушается вращаться в народной среде, прислушивается к просьбам и советам, встречается с музыками, кузнецами, солдатами, разбойниками и разговаривает с ними. Эти встречи всегда заканчиваются царским решением, которое восстановливает попранную справедливость, утверждает закон, причем сам царь нередко подвергается испытанию

В.-К. Ульрих. Петр Великий.
Император и Самодержец Всероссийский.
Из книги: Российский царственный дом Романовых.
СПб., 1893

на соблюдение законности и проходит его, поступаясь личным интересом (Путилов 2000: 11). Так, в солдатской песне Пётр разрешает солдатам расправиться с их знатным обидчиком: «Вы судите-ко Долгорукого своим судом, / Вы своим судом судите да рукопашкою, / Вы берите-ко слегу, да долгомерною, / Долгомерною слегу да семи аршин, / Семи она аршин да семи она верхов. / Вы ломайте у Долгорукого хрустальни ворота» (Исторические песни XVIII века 1971: 109).

Е. Н. Трефилов, исследователь представлений участников бунтов против Петра, пришел к выводу, что при всех различиях в воззрениях повстанцев авторитет царской власти в целом был высок. Об этом свидетельствует, во-первых, то, что ни у кого из бунтовщиков не возникало желания изменить монархический строй на какой-либо иной; во-вторых, участникам всех бунтов в большей или меньшей степени было свойственно иррациональное почтение к царской власти. Наконец, бунты московских и астраханских стрельцов были теснейшим образом связаны с монархическими представлениями повстанцев. Большим авторитетом в их сознании продолжала пользоваться правящая династия Романовых (Трефилов 2010: 22). Борьба с

боярством и события февраля 1697 г. отразились в сибирской песне, известной в записи С. И. Гуляева: «На пиру-то сидело полтретьясто бояр, / Они крепкую думали думушку заединую, / И как будет извести царя православного» (Исторические песни 2001: 174).

Напряженная борьба Петра I с «панами» нашла отражение в белорусских сказках. В одной из них, записанной белорусским собирателем А. К. Сержпутовским в Слуцком повете, «паны хочуць свайго пасадзіць на царства». Они «набіраюць людзей, ваююць адны з другімі. Ім кігадкі, а людзі забіваюць адны другіх, нішчаць край да марнуюць добро... От круцяць пакы да ваююць паміж сабою – сваімі людзьмі да на сваіх людзей ідуць, забіваюць, паляць вёскі да двары, а ўсё не могуць выбраць сабе цара» (Легенды і паданні 1983: 240).

Оставшаяся вдовой царица «ўцякла яна з царскіх палацаў да й схавалася на сяле ў аднаго добрага чалавека. Шукаюць паны царыцу, каб яе забіць. Не так яе баяліся паны, як таго, каб яна не нарадзіла сына. Яна, бачыце, была тоўстая і хадзіла на пары. Шукаюць, калоцяць паны па ўсіх сёлах». Наконец, паны приходят в то село, где скрывалася царица: «Бачыць той добры чалавек, што паны ўжо блізка, павёў ён царыцу ў гумно да й захаваў яе ў салому. Але от прыйшоў час, і ў царыцы нарадзіўся сын, Пятро Вялікі. Сядзіць царыца з сынам у саломе, аж

ворагі прыходзяць і ў гэтае гумно. Зірнулі яны туды-сюды да ўжо хацелі і далей ісці, але адзін узяў вілы да й парнуў у салому. Чуюць яны, аж Пятро Вялікі крычыць з саломы такім громкім голасам, што яны аж прыслі ад страху: – Хто там пора, што чуць ачоў не павымаў! Адсекці яму голаўі Спалохаліся тыя мяцежнікі, пабялелі, бы палатно, стаяць да калоцяцца, бы асіна. Але ось вылазіць з саломы сам Пятро Вялікі – хлопец у косы сажань вышынёю. Убачылі яго мяцежнікі, пакланіліся да зямлі да й давай прасіць, давай маліць, каб ён не гневаўся і аставіў іх жывымі. Клянуцца, што будуць служыць яму да самае смерці. Зжаліўся Пятро Вялікі, прасціў ім, забраў матку-царыцу да й паехаў у сталіцу царства. Усюды сустракаюць яго людзі з абразамі да з хлебам, а мяцежнікі ўцякаюць, куды ногі нясуть. І пачаў з тae пары Пятро Вялікі царства ваць да ворагаў пабіваць» (Легенды і паданні 1983: 240).

В торжестве Петра I над «панами» в белорусской сказке проступают реалии того драматического периода, важной чертой которого было жестокое противостояние с консервативными боярскими кругами. Поддержка царя «добрими» селянами, справедливый суд и милосердие монарха отвечали народному идеалу правителя, свободного от корысти и озабоченного общими интересами (Путилов 2000: 11).

В представлениях грузин нашел отражение

Башкиры. Конец XIX в.

Грузины. Начало XX в.

мотив об избрании «хороших царей» из бедняков: «До Петра Великого в России не было царей. Долго жили русские, не имея у себя царя. Петр Великий сделался первым царем. Вот как это произошло. Вначале Петр Великий был кучером и прозвался просто «кучер-Петр». Он был умным, религиозным, честным и трудолюбивым человеком; все, знавшие его, обращались к нему за добрым советом, а он каждому помогал в беде и несчастиях. Кучеру Петру первому пришло на мысль подать голос и посоветовать своим согражданам избрать, по примеру других, царя. Все согласились на это доброе, разумное предложение. Но вот беда: кого избрать царем? Долго думали русские об этом и, наконец, отличаясь религиозностью, решили прибегнуть к помощи Божьей. Решено было, чтобы в соборе, в подсвечнике перед образом поставлена была свеча, и чтобы каждый приходил в собор и молился перед образом и свечой, и если свеча загорится сама у кого-либо, то быть тому царем. В назначенный день народ со всех сторон стал собираться в собор: первыми приходили и молились вельможи; подходило к образу и молилось множество простого народа, но свеча ни у кого не загорелась; наконец, в числе простых своих сограждан вошел в собор кучер Петр: помолившись у дверей и поклонившись на все четыре стороны, Петр подошел к образу, перед которым стоял подсвечник со свечой, пал на колени и стал горячо молиться. Вдруг во время молитвы, когда взоры всех

были обращены на подсвечник, свеча загорелась. Вельможи, бывшие в соборе, были очень поражены этим и, не поверив этому чудесному явлению, выпавшему на долю простого бедного кучера, прогнали Петра. На следующий день еще более приходило народа в собор, но увы! свеча ни у кого не загоралась. Тогда вельможи согласились опять призвать кучера Петра, чтобы он помолился, не загорится ли свеча у него во второй, в третий раз. На третий день, когда призвали Петра, он, как в первый раз, помолившись, подошел к подсвечнику, стал на колени, и свеча загорелась. Потушили свечу. Петр опять помолился, и свеча загорелась в третий раз. Тогда вельможи и народ, бывший в соборе, явно увидели в этом десницу и помощь божию и решили избрать царем кучера Петра. Так был избран указанный самим богом первый русский царь Петр Великий» (Цулая 1972: 136).

В народных представлениях карельского народа Петр считался карелом по происхождению: «Был царь Петр герой удалый, / Сын Карелии красивый... / Пётр царем был знаменитым, / Сыном Карьяля красивым» (Трапавлов 2007: 62).

Тема рождения Петра крайне противоречиво отразилась в исторической памяти русских. Русская историческая песня XVII в. приветствует рождение будущего «первого императора по земле Святоруссия», в тексте «светел-радошен / Во Москве благоверной царь, / Алексей царь Михайлович» (Исторические песни XVII века 1966: 145). Однако, по мнению К. В. Чистова, крепостническая политика Петра, цена преобразований, связанная с выколачиванием из народа огромных средств и жестокостью карательных мер против недовольных, вызвала к жизни легенды о «подмененном царе» (Чистов 1967: 94). Так, крепостные из вотчин И. Стрешнёва и помещицы Мышецкой утверждали в 1700 г.: «Государь не царского колена, немецкой породы, а великого государя скрыли немцы у мамок в малых летах, а вместо него подменили нова. Немцы лукавы, лик под лик подводят» (Чистов 1967: 101). В новейшей литературе высказано мнение, что подобные представления были связаны не с крепостничеством, а с элементами традиционного сознания, выражавшегося в мифологическом отождествлении с царем или лицами царского рода в так называемых «непригожих речах» (Лукин 2000: 133, 168). Как бы то ни

было, сравнение белорусского и русского материалов показывает, что в первом случае историческая картина мира целиком связана с идеалом народного правителя, во втором значительно усложнена не только «светел-радошными» красками, но и другими оттенками. В России больше знали своего царя, нежели по другую сторону границы, где превалировал образ монарха «ожидаемого».

Империя Петра предстает в народной истории в более выгодном положении по сравнению с европейскими государствами. В предании уральских казаков говорилось: «Король шведский, изволиши ли знать, изверился у своих енаралов и думчих сенаторов. Когда он собирался под Полтаву, они не хотели давать ему ни армии, ни пушек, ни казны. Такой, виши, обычай в неверных землях; там, говорят, цари то служат зауряд, словно офицеры в башкирском войске. Поди, да и пойми их там: народ дикий, несуразный...». Королю все же удалось убедить сенаторов выделить ему армию, но с условием не вступать в сражение с Петром I, а решать его исход поединком силачей. Таким образом, шведский государь, по мысли казаков, был существенно ограничен в своих действиях, не был самодержцем, что расценивалось уральцами как нонсенс (Побережников 1994: 220).

Народность Петра Великого обнаруживается и в том, что во многих текстах он порой перевоплощается из царя в простого обывателя. В сказке, записанной В. Н. Добровольским у белорусов Смоленской губ., заблудившийся в лесу Пётр встречается с солдатом-дезертиром и представляется ему лакеем. Солдат убежал в лес, поскольку в ответ на все поиски справедливости из-за присвоенного начальством провианта подвергался лишь наказанию палками. Разместившись в доме разбойников, царь уснул, а солдат по одному перебил злодеев и спас царю жизнь. Благодарный Пётр вознаграждает солдата и наказывает его обидчиков: «Потыш ідзіць нужна салдату окала царскага дварца: там яму здзелалі чэсцы, і сам Пётр выносіць яму на блюдзе золата: – Благадару цябе, служывы кавалер, што ты мяне ізбавіў ад смерці, а я тваіх паўтара гарца круп узышчу, усё начальства разжалую» (Смоленский 1981: 382–383). Аналогичный сюжет встречается в русских сказках (Сказки 1989: 92–96). В сказке «Пётр Первый и матрос» император восхищается находчивостью моряка Большакова, который оставил в дураках весь Сенат, и говорит: «“Будь ты, Большаков, полным генералом!” Большакова обмундировали: в генеральскую форму одели, брюки с лампасами и дали несколько дивизий командовать. Большакова солдаты любили, за отца родного почитали, он с ними ласков и вежлив был» (Сказки 1989: 100).

В другой сказке при встрече с преступником Пётр I также назывался вором, и они вдвоем решают обокрасть дом генерала Белорукова. Проникший в дом первым вор подслушивает заговорщиков, которые «саглашаюцца, нескалькі асоб, штоба на заўтрашні дзень здзелаць бал і прыгласіць цара Пяtra Аляксеевіча і даць яму выпіць стакан смертны» (Смоленский 1891: 384). Предупредив заговор, вор спасает Петра от смерти: «А тада Пётр іх усяе шайку разбіў. Тада амператар спрашыеца у вора: – Чым цябе наградзіць? – А нічаво я не хачу, ніякай награды мне не нужна, я прашу вас не ўстрашаць вароў: вары, собственна, ад госпада бога... Кабы бог не павёў вас на такую сцепені ѹзнаваць аб варах... Ну, толька бог вас звёў са мною, штоба вы, амператар Пётр Першы, маглі прадаўжаць свою жысьць» (Смоленский 1891: 385). Сюжет, где Пётр Великий в одной компании с вором раскрывает боярский заговор, встречается и в русских сказках (Путилов 2000: 5).

Известны русские предания о совете пушечного мастера Петру, как раздобыть металл для литья артиллерийских орудий: «Меди, государь, у тебя много; но о чём так о ней думать; сколько излишних и ненужных при церквях колоколов? Что мешает тебе взять целую половину оных и употребить на вылитие стольких пушек, сколько тебе угодно? Ну-

Первый из известных портретов Петра I. Портрет из «Царского титулярника». Неизвестный автор (конец 1670-х – начало 1680-х годов)

Азербайджанцы. Начало XX в.

жда государственная важнее, нежели многие колокола; и половины оных слишком довольно для того предмета, для которого они наделаны; а после, как Бог даст, одолеешь своего противника; то из его же пушек наделать можно колоколов сколько хочешь» (Народная проза 1992: 149).

«Кощунственная» переплавка атрибутов церковных колоколен, приводившая в неистовство противников царя из среды бояр и духовенства, в массе мастеровых, крестьян, солдат представлялась как необходимое и полезное в условиях войны державное действие, поддержанное народом. Современные историки не видят в этой мере ничего экстраординарного: так поступали правители и до Петра, и после него. К тому же в действительности изымались лишь колокольный лом, излишки меди, которой в составе сплава для артиллерийского орудия необходимо больше, чем для колокола (Джанумов 2021: 14).

Как целесообразная мера рассматривается совет мастера и в белорусской версии. Петру, который проникает во вражеский город и узнает секрет литья пушек, помогают купец и мужик, а мастеровой-медник даёт ценный совет. В Риге «яго з'жначыналі падмячаць, што ён Пётр. Аддадзен быў прыказ па ўсех заставах, штобы яго не выпусціць» (Легенды і паданні 1983: 241). В санях с навозом мужик вызывает царя из города. Отблагодарив мужика и купца по-царски, Пётр думает, где взять меди для литья пушек. Встретившийся ему в Москве медник даёт совет: «Вы ў цэрквях па колакалу здыміце, ў ка-

ждай цэркві, і налейця пущак. Нашто ж табе столькі пущак? – Пайду Рыгу заваюю» (Легенды і паданні 1983: 242).

Отражает реалии начала XVIII в. и белорусская сказка о «беззаботном монастыре», в которой с сочувствием повествуется о том, как царь Петр отучил монаха от безделья: «Пётр пражджаў па Москве, зайшоў у кузніцу; увідаў кузняца худога і спрашыцец у яго: – Адчаго ты так худ? Ён гаворыць: – Ад трудоў. Пётр паехаў у манастыр і спрашыцец у манаха (папаўся яму такей жырны манах): – Ад чаго ты так жыран? Ён атвячаў: – Ад трудоў праведных: богу малюся. Ён яму і сказаў: – Штоба быў ты к такому-та кузняцу на месяц у малатабойцы. Через некоторое время царь «заяхцяў у ту кузню, каторава манаха аддаў у малатабойцы і пасматрэў на яго, што ён стаў худ, і спрасіў у яво: – Адчаго ты так худ? Тады ён паў на калені: – Прасціце, цар!.. Цар яму прасці і сказаў яму: – Вот труды!.. Бог з табою! Ідзі ў свае места» (Легенды і паданні 1983: 242).

Русский аналог сказки «Беспречальный монастырь» не упоминает имени царя. Здесь царские загадки отгадывает пьяница, тогда «царь пьяницу поставил игуменом, а игумена выгнал шляться по трактирам и кабакам» (Сказки 1989: 312).

Азербайджанские предания рассказывают о вепротерпимости Петра по отношению к мусульманам. Так, Пётр узнает о том, что мечеть, построенная в Тифлисе персидским правителем Шах-Аббасом, обеднела, поскольку христиане отняли у мусульман торговые лавки. Когда «Петр Великий был в Тиф-

лисе, то узнав историю этой мечети, немедленно возвратил ей данные Шах-Аббасом лавки, а право заведования ими предоставил тогдашнему муштейду. С тех пор и мечеть уже ни в чем не нуждалась благодаря милости Петра Великого» (Бабалянц 1892: 162).

Тема отношений Петра с царевичем Алексеем нашла отражение в русской исторической песне «Вы не каркайте, вороны, да над ясным над соколом», известной в двух вариантах: развернутом, зафиксированном в Пермской губ., и в начальном отрывке той же песни, записанной на Тереке (Исторические песни XVIII века 1971: 142–143). Песня использует сюжет песни XVI в. о гневе Ивана Грозного на сына, где Петр заменил Грозного, Алексей – царевича Фёдора, однако сохраняется присутствие Никиты Романова. Алексея хотят казнить, но «Микита Романович» отправляется «ко плахе белодубовой, / Ко любезному племянничку к Алексею да Петровичу, / Воротил он своего племянничка, / От казнения от вешанья» (Исторические песни XVIII века 1971: 143). По авторитетному мнению К. В. Чистова, песня появилась как отклик на слухи о конфликте между отцом и сыном за 13 лет до казни царевича. Обогнав реальное развитие событий, народная мысль использовала мотив чудесного спасения в песне для создания в последующем легенды о царевиче-«избавителе» (Чистов 1967: 117–119).

Противостояние Петра с сыном нашло определенное воплощение в народном театре. В XIX в. была популярна разыгрывавшаяся на площадях и ярмарках постановка «Царь Максимилиан». Персонаж этой народной пьесы, царевич Адольф, ослушивается приказаний отца кланяться «кумирическим богам» и готов погибнуть за истину: «Я ваши кумирические боги, / Подвергаю под свои ноги, / А верую в господа Иисуса Христа, / Изображаю против ваших богов знамение креста» (Народный театр 1991: 136). А. И. Грушкин не сомневался, что в Адольфе воплощён образ царевича Алексея (Грушкин 1941: 151).

В исторической песне (ряд исследователей называют её поздней былиной) «Семейная жизнь Петра I» «люди премудрый» говорят царю: «Уж ты белой наш царь да Петр ты Первой наш, / Их отесьства же съвет наш Олексёвиц! / Хошь росытёт-то

Иоган Гонфрид Таннауэр. Петр I в Полтавской битве

у тебя твоё-то цядо милоё, / Твоё мило росытёт чадышко любимоё, – / Он ведь зделат-то тебе, верно, изъменушку, / Он изъменушку тебе, да он твоей веры, / Он ведь будёт править верушку старинную, / Он старинну будёт веру богомольню» (Беломорские 2002: 245).

Песня испытала воздействие идеологии старообрядческого Севера, и о казни сына (в песне он назван Фёдором Петровичем) и постриге в монахини Настасьи королевичны говорится с некоторым осуждением. Но мнение народное в итоге все равно на стороне царя: Петр в песне благополучно вступает в брак второй раз, причём готовившая для плотницкой артели кушанья «вдова прекрасная» Екатерина Алексеевна представлена скромной, работящей и добродетельной женщиной (Грушкин 1941: 151). Текст заканчивается веселой свадьбой с приглашением «всех знакомых плотницков» и «солдатушек новобранных».

У белорусов отголоски слухов о связях царевича Алексея с врагами веры и государства были представлены в форме сказки. В тексте, зафиксированном В. Н. Добровольским у белорусов Смо-

ленщины, жена царевича, злая ведьма, превратила половину тела мужа в лымарный камень, город Петра в скалы, а людей – в рыб. Притворившись «никаянным духом», Пётр говорит ведьме: «На что ты свайго мужа сделала палавину ламырнага камня, а палавину чилавика? Ета нам ни пад нужду. И горыд ты сделала возирым, а людей рыбами? А вот ты мне зделай удавольствия: мужа свайго – як быў іон 35 лет, так и зделай таким жа, горыд як быў іон горыдым, людей зделай людьми!.. Пайдеть тады па нашиму горыду таргоўля:

В. Шаталин. Песня бандуриста

вот ета и будить мне удавольствія, а то сядим мы тут, як у вастроги, и свету ня видим!» (Смоленский 1891: 392). Как только ведьма вернула мужу, людям и городу первоначальный вид, Пётр отсёк ей мечом голову.

Таким образом, если в русских текстах в отношении Алексея прослеживается скорее сочувствие, в царевиче видят защитника веры и старины, «избавителя» от царского произвола, то в белорусских представлениях его окружают силы тьмы, а царь Пётр даёт людям свет.

Глубокий след в народных представлениях оставила Северная война, которая потребовала громадного напряжения сил, глубоко потрясла и взволновала народные массы по обе стороны русско-польской границы. Из солдатской среды вышел огромный массив героического народного творчества, связанного с прославлением «викторий» петровского воинства и их центрального персонажа: «Как государь наш батюшка Петр Алексеевич / Во этом шатёrike погуливал, он погуливал, / В позорную во трубочку сам поглядывал, он поглядывал, / Во серебряную во сиповочку выговаривал, выговаривал. / На своих-то он детушек сам поглядывал. / «Уж вы детушки мои ребятушки! / Что нам делать, что нам делати? К нам хотел шведский король в гости побывать, хотел в гости побывать; / Да и чем его, детушки, будем подчивати?» (Исторические песни 2007: 197). Ответ русских солдат на призыв Петра пронизан насмешкой к врагу: они приготовили шведам «угощение», «крошеное» в Москве и «запеченое» в Туле. В песне о подготовке к штурму Орешка солдаты отвечают на вопрос царя – брать или не брать город: «Мы не будем ли от города отступати, / А будем его белою грудью брати» (Исторические песни XVIII века 1971: 65). В песнях о взятии Риги преображенцы и семеновцы поздравляют Петра: «Здравствуй, император-царь, со городом, / Со крепким со городом со Рыгою» (Исторические песни XVIII века 1971: 67–68).

Решающим моментом Северной войны стало Полтавское сражение. Песни о Полтаве отражают перелом в народном сознании, вызванный историческими победами русских войск в этом многолетнем противостоянии: «Грянули пушки боевые, / Боевые пушки полковые, / Полко-

вые пушки-галанки / На все на четыре на сторонки, / А в сколько-то они силы прибили, вдвое того силы примяли: / Запалила Шелеметьева пехота, / Первая рота запалила, / Шведская сила испужалась; / Вторая рота запалила, / Шведская сила перепалась; Пепералась сила шведская, помешалась: / Третья рота запалила, / Шведская сила отступила, / Шелеметьев, во полках стоя, возвырился, / Он скоро на добра коня садился, / За королем во чисто поле погонился. / «Вы, батюшки московские драгуны, / Постигайте ту шведскую силу, / С головы их на голову колите!» /

Ах, затем, братцы, здравствуй / Наш благоверный царь / Всея России Петр Алексеевич» (Исторические песни 2007: 200–201).

В украинских песнях с восторгом говорится о Полтавском сражении, со злорадством – о неудачной попытке Мазепы «пид Полтавой систи», вопреки культу гетмана, создавшему казацко-шляхетской верхушкой и духовенством Украины. Характерно, что шведы в украинских песнях часто именуются «католиками», то есть на них переносится та лексика, которая обычно применялась к исконным врагам украинского крестьянства – польским панам (Грушкін 1941: 154). Героем, предугадавшим измену Мазепы и сыгравшим решающую роль в Полтавской битве, предстает полковник Семён Палий (Семён Филиппович Гурко). Палий обладает тайными знаниями («характерством») и в ответ на просьбу Петра использует их в сражении под Полтавой. В одном из преданий Мазепа «приказав замурувати в стінку Палія. Сидів там Палій шось довго. От швед як підступив під Платаву, а наш царь-Петр перший і обявля, чи не отстаяв би хто Платави. От один старик і нйшовсь, і каже: “Ваше Імператорськоє Височество! я знаю в такій то стіні сидить замурований Семен Палій; той можеть одстоять”. Ну, зараз веліли размурувати, вивели ёго. “Шо ти можешь Платаву отстоять?” – “Могу, Ваше Імператорськоє Височество”, та зарядив срібною кулею ружжо, як стрілець, а Мазепа з Карлом саме обідали, а та куля прямо ім в полумисок і впала та і закипіла кровью. “Е, каже Мазепа, вже Палій на волі!” та як кинулись тікати та сами себе і порубали» (Малорусские 1876: 205). В то же время Палий в народных песнях и преданиях выступает не только противником Мазепы, но и обличает петровскую «Москву», не сумевшую вовремя оценить заслуги Палия. В одном из текстов стойкость Палия, подвергшегося мучениям за отказ поставлять рекрутов с Украины, вынуждает Петра I изменить свое намерение: «Царь Петро ото приказ про некрут подрав, а другой написав, щоб з роду й до віку не було брано у нас некрут» (Малорусские 1876: 207).

Позитивный образ Петра закреплен в исторических песнях карел: «Петр царем был знаменитым, / Знатным молодцем московским, / Корабли спускает в море. / Сколько на горушке сосен, / Столько мачт в петровском флоте, / Хитростью проник он в Выборг / И на Финский полуостров» (Карельское 1981: 116). Карелы выступают союзниками русской

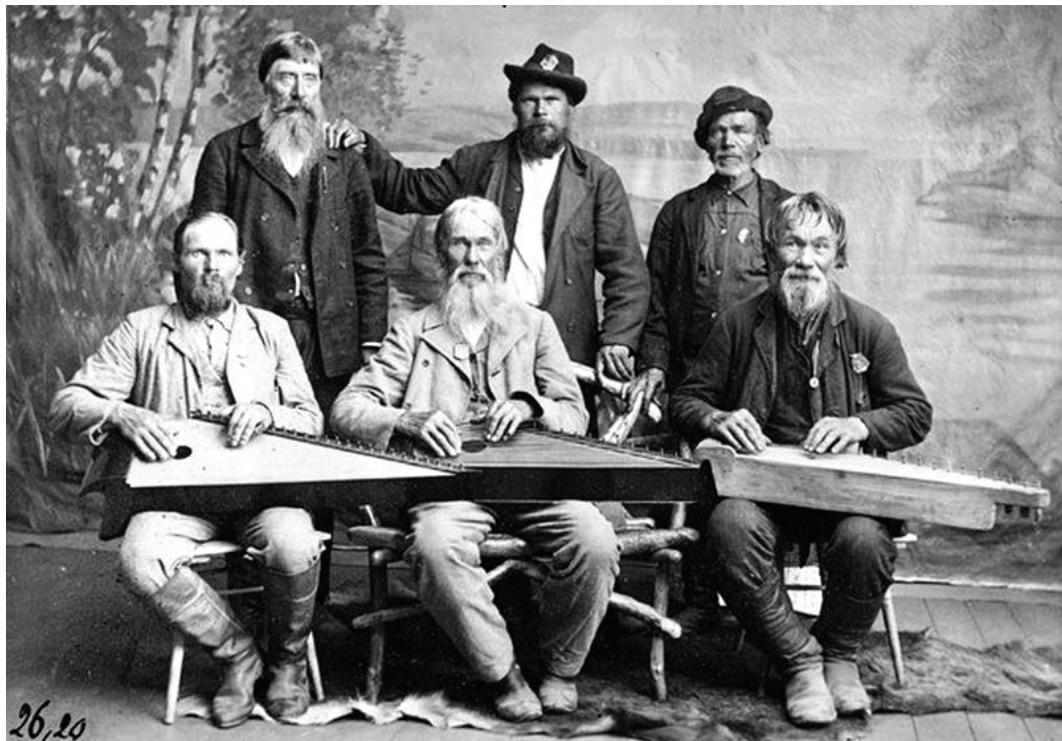

Семён Палий

армии в борьбе против шведских наместников и генералов, помощниками при взятии Выборга (Трепавлов 2013: 39). Герой «Калевалы» Илмаринен изготавливает для Петра I чудесное копье, с помощью которого русский царь без промаха поражает шведов: «Петр же прямо в цель стреляет, / И страха слетает с крыши / У хозяина из замка. / Тот ключи царю подносит» (Карельское 1981: 117). Известно, что карелы саботировали работы по возведению шведских укреплений, отказывались платить подати в королевскую казну, встречали воинов армии Петра как освободителей.

Щедрость и доброжелательность Петра в Персидском походе 1722 г. нашли отражение в исторической памяти астраханских туркмен и ряда дагестанских народов (Трепавлов 2013: 39).

В представлениях азербайджанцев Пётр был современником персидского шаха Надира, хотя Надир правил в 1736–1747 гг., а Петр умер в 1725 г. Однако с нашествием Надира на Кавказ связан цикл героических сказаний местных народов, поэтому образ Петра наделяется положительными чертами: «Пользуясь внутренними смутами и слабостью Персии, хоросанский царь Мелик-Махмуд объявил ей войну. Персия, не будучи в состоянии одна справиться с неприятелем, обратилась к Петру Великому, царю русскому, и просила у него помощи, обещав ему за это земли до Аракса. Петр Великий обещал ей защиту и вскоре со своими войсками появился в Персии. Мелик-Махмуд, убоявшись могучего союзника Персии, покинул ее и возвратился в Хорасан. Надир тогда предложил Петру оставить Персию, говоря, что помочь его не нужна. Петр Великий, пораженный таким предложением своего союзника, ответил гневно: – Как это так?! Я с

Карелы. 1910 г.

дальнего севера пришел к вам на помощь, наведя на вашего неприятеля страх, удалил его из вашего отечества, а вы теперь забываете свое обещание! Нет, я этого вам не позволю! Тогда Надир предложил Петру взять Кавказ, на что Петр ответил, что Кавказ не принадлежит Персии, а самостоятелен. После многих пререканий Петр Великий получил от шаха огромную сумму денег, множество рогатого скота и лошадей и возвратился в Россию. На возвратном пути его радостно встретили жители Кубы, воскликая: «Царь лица земли взошел, царь лица земли взошел!». Петр поблагодарил их и, сопровождаемый их благопожеланиями, направился далее, в Россию» (Бабалянц 1892: 161).

Пётр приносит мир на Кавказ, останавливает резню между шиитами и суннитами: «Во время этой страшной резни Петр Великий был на северном берегу Каспийского моря. Услышав об этих беспорядках, он со своими храбрыми воинами поспешил прекратить смуту, примирив противников. Подплыв к Таркам, он получил от шамхала Тарковского в подарок 800 голов крупного рогатого скота для войска, четыре лошади прекрасной породы для себя. Сам шамхал, выйдя к Петру навстречу, попросил его пожаловать в его дом и принять хлеб-соль» (Бабалянц 1892: 159).

В одной из легенд народов Дагестана Пётр предстает в качестве всемогущего «белого царя», повелевающего силами природы и решающего насущные

проблемы простых людей. По словам 80-летнего старика, отец которого был свидетелем вступления Петра в Дербент, император после поднесения ему ключей въезжал в город на коне. Едва только его лошадь передними ногами ступила на улицу, как началось сильное землетрясение. Жители, стоявшие у ворот города, в ужасе попадали перед императором. Пётр тогда произнес: «Природа делает мне торжественный прием и колеблет стены города перед моим могуществом». Затем император «милостиво ударил по воротам три раза нагайкою, землетрясение прекратилось, и он, призвав к себе всех неимущих, наделил их деньгами» (Полчаева 2020: 895).

В бурятской исторической песне говорится, что после милостивого приема Петром I депутации в Москве в 1703 г. русский государь предстает воплощением Белой Тары. Буряты и якуты приписывали Петру жалование землями и титулами, защиту от притеснений (Трепавлов 2007: 26, 58–59).

С конца XVIII в. рекрутты из украинских и белорусских губерний стали служить в российской армии. А. Д. Гронский считает, что «российский имперский патриотизм у белорусских крестьян ко второй половине XIX в. уже существовал» (Гронский 2013: 191). Служившие в армии уроженцы Витебщины, Могилевщины, Гродненщины привнесли в крестьянскую среду солдатские песни. Историзм этим песням придавал военно-патриотический настрой музыки. Эффект воздействия таких песен

был тем значительнее, чем полнее выражались особенности музыкального стиля Российской императорской армии (Путилов 2000: 3). О том, что Пётр Великий стал «своим» у белорусов, свидетельствуют записи песен. Так, в 1956 г. в деревне Студеная Гута Терюхского р-на Гомельской обл. от восьмидесятилетнего Артамона Павловича Тимошенко, участника Русско-японской войны 1904–1905 гг., была записана распространенная в дореволюционной русской армии песня «Дело было под Полтавой...». Историзм подобных текстов связан также с языком, который отражал региональную и этнокультурную идентичность исполнителей (Путилов 2000: 8). Упомянутая зафиксированная в Белоруссии песня звучит в местном лексическом преломлении: «Была дзела пад Палтавай, / Дзела слайнае, друзя, / Мы дралісь тагда са шведам / Пад знамёна Пятра. / Наш магучы імператар, / Памяць вечная яму, / Сам камандаваў вайскамі, / Сам і пушкі заражаў. / Сам камандаваў вайскамі, / Сам і пушкі заражаў. / Сам ружжом салдацкім правіў / І, як сокал, ён лятаў» (Беларускі эпас 1959: 188). Известно, что автор этой песни – Иван Евстратьевич Молчанов (1809–1881), русский певец и хоровой дирижёр, который в начале 1850-х годов организовал профессиональный солдатский хор и издал несколько сборников воинских песен. Песня «Дело было под Полтавой» была

написана на основе канта XVIII в. и быстро стала народной, поскольку отражала популярность первого российского императора в солдатской среде.

Битва под Полтавой нашла отражение в русских паремийных текстах: «Швед – нерубленая голова», «Пропал, как швед без масла», «Пропал, как швед под Полтавой» (Краюшкина 2017: 45). Имеются аналогии в белорусских паремиях: «Як швэд пад Палтава», «Швэд пад Лясной загубіў боты й штаны, а в Рудні пакінў і шапку» (Катлярчук 2007: 192–193). Упоминание деревни Лесной (ныне Славгородский р-н Могилевской обл.) в пословице и в белорусских преданиях говорит об актуальности этого сражения – «матери Полтавской баталіи» для исторических представлений белорусов. В русских же текстах акцент сделан на самой Полтаве. Сочувствие белорусов войскам Петра передает поговорка «Тутэйшая асіна ня швэдзкая павуціна». А. Котлярчук полагает, что возникновение этого выражения связано с эпизодом войны, когда на осине был повешен шведский шпион, сбивший русские войска с пути (Катлярчук 2007: 191).

Наряду с победными мотивами в русских песнях первой четверти XVIII в. отражены и горечь потерь, цена нелегких побед, достигнутая за счет громадного напряжения народных сил: «Эх, как погнали солдат до Полтавы, / Их заставляли и рыть, и

Ф. А. Рубо. Вступление императора Петра I в Тарки

Аварцы. Начало XX в.

копати. / «Видно нам же, братцы, всем пропадати! / ни будет знать ни отец, ни мати. / Ни отец, ни мати, Ни одна родина. / Ни одна родина, жена молодая» (Исторические песни XVIII века 1971: 52).

Места расселения белорусов стали одним из театров Северной войны. Здесь война осложнялась тем, что в Речи Посполитой шла вооруженная борьба между магнатами за влияние. В войне польско-литовское государство официально было союзником России, однако с помощью вторгшихся шведов была создана Варшавская конфедерация, выступившая против легитимного монарха Августа II, происходил переход вельмож от Августа II к шведскому ставленнику Станиславу Лещинскому и обратно. Шведские войска целенаправленно уничтожали владения противников Лещинского, используя тактику «выжженной земли» (Волкаў 2012: 219). Шведы в первой половине 1706 г. подвергли «огням и пожарам» Мир и Кореличи, грабежам и разорению Слоним и Клецк, Новогрудок и Слуцк, Кобрин и Пинск, в результате длительной осады захватили Ляховичи и Несвиж (Новик 2011: 140). Вступившие на территорию Речи Посполитой союзные Августу русские войска также не церемонились со сторонниками Лещинского, с подозрением относились к униатам, поддерживавшим Карла XII. За материальную помощь горожанами Витебска шведам казаки и калмыки спалили, как рассказывает Витебская летопись, «zamki y miasto, ratuszy kromy, Wzhorie, Zaruczewie y Zadunawie, cztery kościoły y cerkwi

dwanaście» (все замки в городе, ратушу и крамы (торговые лавки), Узгорье, Заручавье и Задунавье, четыре костела и церквей двенадцать). Та же участь постигла Могилев, Быхов, Дубровно, Оршу, Иказнь, прежде всего, отмечает летопись, «панские дома» (Летопись 1975: 199).

В русских преданиях нет сомнений по поводу разорения «Литвы», поскольку русское оружие имеет «планиду небесную». В предании, записанном П. И. Якушкиным в с. Лаврово Орловской губ., «дедушка» Суворов не пускает Петра на «литовский окоп»: ««Глянь, – говорит царь, – глянь на небо!». Глянул тот на небо и видит: сила небесная над царем, сила несметная! Ангелы небесные... крылья у них, аки колесница! И никто их не видел. Только про них в апокалипсисе сказано: только один царь Петр их и знал: планиду знал. Как увидел дедушка Суворов ту силу небесную: «Ну, – говорит, – теперь пущу: иди!».

Ну и одолел царь Петр Литву тое» (Народная проза 1992: 155). Сказитель, у которого П. И. Якушкин зафиксировал предание, отмечал, что рассказывает о сражении «под Плотавой», где русской армией командовал Суворов, а «Литвой» – Мазепа (Народная проза 1992: 561). Здесь в народной памяти совмещаются разные хронологические и пространственные пласти, однако правота явно не на стороне Литвы.

Белорусская пословица «Стуль маскалі, а сьцюль швяды, як позабыцца такой бяды» (Катлярчук 2007: 190) передаёт настроения современников, оказавшихся между двумя огнями. В белорусских топонимических преданиях нашли отражение и отголоски жестоких действий русских войск против жителей, оказавших помочь шведам: «Каля Радашковічаў у Маладзечанскім раёне мясовы ўзгорак называеца Шведская Гара, бо тут маўляў, адпачываў Карл XII. Дарэчэ, у Радашковічах Карл XII і сапраўды прастаяў адзінцца дзён, а мясцовыя жыхары яму спачувалі. Кажуць, менавіта за гэта потэм ушчэнт разбурыў мястэчка». В другом предании отмечается, что «у Мсціслаўскім раёне пра вёску Добрае рассказываюць што раней на гэтым месцы быў горад Матан, які ўшчэнт разбурылі ў час баёў, у якіх уздельнічаў Пётр I» (Дучыц 2011: 315–316).

В белорусской униатской среде бытовало сказание о «полоцкой резне» – убийстве пяти униатских монахов-базилиан в результате посещения Петром I собора Св. Софии в 1705 г. Ярость царя вызывала будто бы объяснение одного из монахов по поводу

А. Афанасьев. Петр Великий Император Всероссийский Отец Отечества

изображения Святого Иоасафата Кунцевича с сейкой в голове, что Кунцевич был убит витебскими схизматиками, единоверцами Петра (Хомеев 2022). Пётр, мягко говоря, не был ангелом, нередко в своей стране подвергал преследованиям духовенство, упразднил патриаршество, воспринимался многими благочестивыми россиянами как «антихрист»,

поэтому можно допустить подобное поведение царя в чужих землях, где униаты поддерживали врагов-шведов. Однако обращает на себя внимание то обстоятельство, что все версии сказания, во-первых, были созданы представителями униатского духовенства при участии римской коллегии Пропаганды веры, причем все авторы писали с чужих слов.

Уральские казаки. Начало XX в.

Во-вторых, вызывают сомнение добавляющиеся в версиях 1705–1721 гг. подробности трагедии: отрезание ушей, травля собаками, топтание царём святых даров, возрастание числа убитых монахов от четырех до девяти, не считая сочувствующих женщин, постоянное изображение преследований в устрашающем виде. Эти нарративы, расходившиеся в униатской среде, как показал белорусский исследователь А. Хотеев, объединяет стремление представить по-лоцкий инцидент как давно задуманное гонение на унию с целью её искоренения (Хотеев 2022). Не случайно «Историю об убийстве базилиан в Полоцкой церкви» Антония Завадского напечатали в Париже во время Польского восстания 1863 г. и распространяли среди восставших для возбуждения стремления отомстить русским. Эксплуатируется «пороцкая резня» и отдельными современными белорусскими авторами, пытающимися придать локальному рядовому событию войны масштаб национального противостояния. Нам пока неизвестны народные тексты – белорусские народные предания, песни, легенды, связанные с этим инцидентом. Гиды в своих рассказах гостям Полоцка говорят о «нелюбви белорусов к Петру I» и, за неимением лучшего, приводят те же униатские рассказы (Зачем 2022). Если бы это событие действительно выступало знаковым символом национальной трагедии, оно так или иначе нашло бы отражение в народной памяти.

Однако в белорусских текстах осуждались матрордество и зверства шведской армии. Белорусский собиратель М. А. Федоровский записал в деревне Хадоравцы Сокольского повета Гродненской губ. следующее предание о Северной войне: «Як то было кедысь цяжко на свеци, неспакой, от шведска вайна была, мноства рознаго войска цягалосе па свеци. Од тады ішлі якіесці Сасы, Тарантасы, не зналі нашай мовы, а мы іх. Бог іх ведае, як ены гаварылі. Толькі ўвойдзе да хаты і крычыць: “Пекі курка!”, то ледво дамыслілісе, цо юн кажа – палі печ. Забіралі людзям хлеб, авёс, на хвурманкі гналі, а некаторые як паехалі, то і прапалі з імі заўсім. Од, кажуць, з Дрыгі неякі Баран Мацей і Балдыка стары прапалі. А возьмуць дзяцей, пазасждаюць шыямі за лаву, прыцыснуць лаваю і падушаць. А старшыя паўцякалі да леса, дзеўкі ўсе ў лесе седзелі, бо не можна было быць дома. Так, бывало, ены падходзяць пад лес и крычаць: “Крыся, Марыся, жані валэ да дому, жані”. А яка катора выйдзе з леса, то ўжо ее ўхопяць і робяць, цо хочуць з ёю» (Беларускі эпас 1959: 216). В топонимических преданиях о шведском нашествии задействован традиционный мотив о потерянной шапке: «Пра Тамілаву Гару каля Салігорска ў 1920-ы гады зафіксавана паданне, быццам бы тут некалі разబілі войска Карла XII. У час бойкі ў караля зблі шапку. І ўцякаючы, кароль усіх папярэдзів, што за ёю ён яшчэ вернецца» (Дучыц 2011: 315–316).

В белорусских христианских легендах разоряющие храмы шведов карает сам Господь: «Швэды по дарозе назад праходзілі праз Валожын <...> яны ўварваліся ў царкву і паставілі ў ёй коні. Некаторыя з швэдзкіх жаўнэраў пачалі былі страляць у абраз Святой Параскевы <...> і і за тое <...> асьлеплі. Усьлед за швэдамі прыйшоў аддзел расейцаў, а зь ім іхсам расейскі цар Пётр Вялікі. Ён асабіста агледзеў пабітую непріяцьлем царкву» (Катлярчук 2007: 174). В предании, записанном в 1872 г. в местечке Клецак, «швэды ў часе вайны з расейцамі занялі Клецак і падчас побыту ў месцыце трымалі свае коні ў Пакроўскай царкве. За гэта яны былі пакараныя Богам. Не змаглі вывесыці коні з царквы да выйсці самі і ўсе загінулі ад расейскага войска» (Катлярчук 2007: 174).

Сходные сюжеты встречаются в русских северных преданиях об ослеплении «литвы» (Штырков 2012). С Северной войной связаны предания о закрытых противниками кладах. Так, в деревне Кулышычи Славгородского р-на Могилевской обл. в 1938 г. был записан следующий текст: «Швед, разбіты пад Лясной, трапіў у балота Чыстая Лужа. Там патанулі ў дрыгве яко гарматы, коні, людзі, а голоўны начальнік іх – Левенгаупт – кінуўся цераз Брадзілаў мост на Прапойск. Прапойскія перавознікі на вачах у шведаў хутка знішчылі паромы на Сожы... У той жа час на левым баку Сожа, у Старынцы і Краснаполі, з'явіліся казакі. Яны нэ дапусцілі шведаў да пераправы і пагналі іх далей, на Рудню... Тут шведы пакідалі сваё ваеннае снарэжэнне, ў балота і разбегліся па лясах, ратуючыся ад пагоні рускіх... Начальнікі шведскія кінуліся да Сожа, закапалі там пад сасновым крыжам купу золата і срэбра... И давай уцякаць на слядах свайога караля» (Беларускі эпас 1959: 216).

Исследовательницы белорусской топонимии Л. В. Дучыц и И. Я. Климкович отмечают: «У мястэчку Івянец Валожынскага раёна за сучаснымі могілкамі ва ўрочышчы Пішчугі ланцугом цягнуцца невялікія ўзвышшы. У народзе вераць, нібыта, адступаючы, шведы закапалі там свае скарбы. Паводле аднаго з паданняў, з нейкім узгорку закапана залатая карэта шведскага караля Карала XII. А недалёка ад вёскі Драчкава Смалівіцкага раёна на нейкай гары ў час вайны з шведамі нібыта закапалі калясніцу, але ўжо Пятра Вялікага з многімі ягонымі рэчамі да грашыма» (Дучыц 2011: 315).

Участие Петра в войне оставило противоречивую память по обе стороны русско-польской границы. Наряду с патриотическим пафосом петровских «викторий», нашедшим отражение в полтавском цикле, в русских текстах уделялось внимание цене победы, в белорусских – разорительным действиям как шведских, так и петровских солдат, сказывав-

шимся прежде всего на рядовом населении.

В русской топонимии Пётр Великий не раз играет роль «культурного героя», с которым связано устройство дорог, основание населенных пунктов, сёл, фамилий, рек, гор и др. Так, в Онежском kraе рассказывали предания об «Осударевой дороге», по которой Петр I прошел с войском к Шлиссельбургу, показывали её следы (Соколова 1970: 69). В предании об основании Лодейного Поля говорилось, что царь Петр приказал соорудить в окрестностях небольшой финской деревеньки «шесть кораблей и для этого набрать плотников в Олонце, а кузнецов – в Устюжне Железнопольской, а деревню <...> назвать Лодейным Полем, так как прежде всего здесь приказано было строить ладьи» (Народная проза 1992: 175–176). В Рязанском kraе сохранялись предания о деревне Гостишево, где в гостях побывал император, об участии Петра I в охоте на соколов, почему озеро Великое было названо Соколкой, а полуостров – Стрелицей (Буганов 2009: 75). В Псковской обл. были зафиксированы тексты, в которых царь заказывает псковским мастерам большую партию скоб для русских флотилий, поэтому псковичей стали называть скобарями. Другая версия повествует о том, что Пётр, несмотря на свою силу, не сумел согнуть подкову, сделанную местными кузнецами (Юрчук 2015: 80).

Подобную роль играет Петр I и в белорусской топонимии: «Узвядзенне некаторых гарадзішчаў прыпісваецца і Пятру I. Скажам, гарадзішча ў Індуры каля Гродна, паволе аднаго з паданняў, насыпана Пятром Вялікім у час вайны з шведамі. А на гарадзішчы Замачак у вёсцы Івань Слуцкага раёна быццам бы быў стан Пятра Велікага. Гарадзішча ў мястэчку Копысь на Аршаншчыне называюць *Пяцроўскі Вал*» (Дучыц 2011: 316).

В мариjsком предании один из черемисов после продолжительной службы в петровской армии просит императора отпустить его домой. На вопрос Петра – чем солдат будет заниматься, черемис ответил, что будет охотиться, драть лыко и плести лапти. Император отпускает солдата, подарив ему ружье и лапти. Дарение важных хозяйственных атрибутов, по мысли В. В. Трапавлова, придает императору роль «культурного героя», обеспечивающего народ необходимыми орудиями труда (Трапавлов 2017: 226).

Пребывание императора на том месте, где позже возник город Петровск в Дагестане, сформировало местный текст об образовании города Петром Великим (Полчаева 2021: 897).

Таким образом, труды монарха по возведению здания империи, его борьба с внутренними и внешними врагами, запредельная цена петровской модернизации вызывали неоднозначную ре-

акцию в картине мира, находили отклик в историческом сознании, получали различные оценки. Развитие в рамках единой государственности выдвинуло на первый план созидательные и патриотические деяния Петра (борьба с боярством – «панами», народность и справедливость царя, Полтава, создание флота и др.), однако не оставили совсем в забвении и драматические события

в истории народов. В условиях формирования российского историко-культурного пространства фигура Петра Великого служила одной из духовных скреп для носителей разных языков и религий. Народная версия прошлого, как и история в целом, многолика, поэтому бессмысленно искать в ней аргументы для отстаивания политизированных крайностей.

Источники и материалы

- Бабалянц 1892 – Бабалянц А. Предания и легенды, записанные в городе Баку // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XIII. Тифлис, 1892. С. 156–166.
- Башкирские 2015 – Башкирские исторические предания и легенды / авт.-сост. Ф. А. Надршина. Уфа: Китап, 2015.
- Беларускі эпас 1959 – Беларускі эпас / под ред. П. Ф. Глебка, І. В. Гутарау. Мінск: Выдавецтва Акадэміі навук БССР, 1959.
- Беломорские 2002 – Беломорские старины и духовные стихи. Собрание А. В. Маркова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002.
- Исторические песни 2007 – Исторические песни / сост., вступит. ст., подгот. текстов и comment. С. Н. Азбелева. М.: Русская книга, 2001 (Библиотека русского фольклора. Т. 7).
- Исторические песни XVII века 1966 – Исторические песни XVII века / изд. подгот. О. Б. Алексеева, Б. М. Добровольский и др. М.; Л.: Наука, 1966.
- Исторические песни XVIII века 1971 – Исторические песни XVIII века / изд. подгот. О. Б. Алексеева, Л. И. Емельянов. Л.: Наука, 1971.
- Карельское 1981 – Карельское народно-поэтическое творчество / подгот. и пер. текстов В. Я. Евсеева. Л.: Наука, 1981.
- Легенды і паданні 1983 – Легенды і паданні / склад. М. Я. Грынблат і А. І. Гурскі; рэд. тома А. С. Фядосік. Мінск: Навука і тэхніка, 1983.
- Летопись 1975 – Летопись Панцырного и Аверки // Полное собрание русских летописей. Т. 32. Хроники: Литовская и Жмойтская, и Быховца. Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырного. М.: Наука, 1975.
- Малорусские 1876 – Малорусские народные предания и рассказы. Свод М. Драгоманова. Кіев: Типогр. М. Р. Фрица, 1876.
- Народная проза 1992 – Народная проза / сост., вступит. ст., подгот. текстов и comment. С. Н. Азбелева. М.: Русская книга, 1992.
- Народный театр 1991 – Народный театр / сост., вступит. ст., подгот. текстов и comment. А. Ф. Некрыловой, Н. И. Савушкиной. М.: Сов. Россия, 1991 (Библиотека русского фольклора. Т. 10).
- Сказки 1989 – Сказки. Кн. 3: Социально-бытовые сказки / сост., подгот. текстов и comment. Ю. Г. Круглова. М.: Советская Россия, 1989 (Библиотека русского фольклора. Т. 2).
- Смоленский 1891 – Смоленский этнографический сборник / сост. В. Н. Добровольский. Ч. 1. СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1891.

Научная литература

- Акманов И. Г. Башкирские восстания XVII – начала XVIII в. Уфа: Китап, 1993.
- Буганов А. В. Исторические представления и самоидентификация русских Рязанского края // Русские Рязанского края / отв. ред. С. А. Иникова. М.: Индрик, 2009. С. 70–87.
- Буганов А. В. Личности и события истории в массовом сознании русских крестьян XIX – начала XX в.: Историко-этнографическое исследование. М.: Принципиум, 2013.
- Волкаў М. Нясвіжскі замак у Вялікай Паўночнай вайне (1700–1721 гг.) // Вялікае княства Літоўскае і суседзі. Права, вайна, дыпламатыя. Зборнік навуковых прац / пад рэд. С. Ф. Сокала і А. М. Янушкевіча. Мінск: БІП Інстытут правазнаўства, 2012. С. 219–238.
- Гронский А. Северная война в белорусской историографии 1993–2008 гг. Статья первая // Сайт «Западная Русь». 04.03.2016. <https://zapadrus.su/zaprus/istbl/1431-severnaya-vojna-v-beloruskoj-istoriografii-1993-2008-gg.html> (Дата обращения 4.11.2021).
- Гронский А. Д. Конструирование образа белорусского национального героя из участника польского вос-

- стания 1863–1864 гг. Викентия Константина Калиновского // Русский Сборник: исследования по истории России / ред.-сост. О. Р. Айрапетов, М. Йованович, М. А. Колеров, Б. Меннинг, П. Чайки. Т. XV. М., 2013. С. 189–208.
- Грушин А. И. Петровская эпоха в фольклоре // История русской литературы: В 10 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941–1956. Т. III: Литература XVIII века. Ч. 1. 1941. С. 150–156.
- Джанумов С. А., Райкова И. Н. Петр I и его время в русском песенном и прозаическом фольклоре // Традиционная культура: Научный альманах. 2021. Т. 22. № 3. С. 11–23.
- Дучыц Л. У., Клімковіч І. Я. Сакральна географія Беларусі. Мінск: Література і Мастацтва, 2011.
- Зачем ПётрI разрушил главную святыню белорусов? // Яндекс.Дзен-канал «Мир истории». 26.09.2019. <https://dzen.ru/a/XYxQf8MeSQCxVi6m> (Дата обращения 10.03.2022)
- Катлярчук А. Швэды ў гісторыі і культуры беларусаў. Вільня: Інстытут беларусістыкі, 2007.
- Краюшина Т. В. Образ европейца в традиционном представлении русского народа (на материале пословиц и поговорок, собранных В. И. Далем) // Филология и человек. 2017. № 4. С. 43–51.
- Лукин П. В. Народные представления о государственной власти в России XVII века. М.: Наука, 2000.
- Новик Е. К., Качалов И. Л., Новик Н. Е. История Беларуси. С древнейших времен до 1910 г. Минск: Высшая школа, 2011.
- Побережников И. В. Народная монархическая концепция на Урале (XVIII – первая половина XIX в.) // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 1994. № 1. С. 31–40.
- Полчаева Ф. А. Образ Петра I в исторической памяти населения Дагестана // История, археология и этнография Кавказа. 2020. Т. 16. № 4. С. 888–899.
- Путилов Б. Н. Пётр Великий – фольклорный герой // Пётр Великий в преданиях, легендах, сказках, песнях / сост., подгот. текста, вступит. ст. и примеч. Б. Н. Путилова. СПб.: Академический проект, 2000. С. 3–12.
- Соколова В. К. Русские исторические предания. М.: Наука, 1970.
- Трапавлов В. В. «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М.: Вост. лит. РАН, 2007.
- Трапавлов В. В. «Белый царь» и «Большой хозяин» // Родина. 2013. № 2. С. 38–41.
- Трапавлов В. В. Русский царь в нехристианских культах Российской империи // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. № 2. С. 222–240.
- Трефилов Е. Н. Представления о царской власти участников народных бунтов петровского времени. Автограф. дисс. ... канд. ист. наук. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2010.
- Хомеев А. О полоцких униатах и униатской мифологии. Как изготавляются исторические пасквили // Электронное издание «Фонд стратегической культуры». 05.03.2019. <https://www.fondsk.ru/news/2019/03/05/o-polockih-uniatah-i-uniatskoj-mifologii-47724.html> (Дата обращения 10.03.2022).
- Цулая Г. В. Кавказские сказания о Петре I // Советская этнография. 1972. № 3. С. 134–138.
- Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М.: Наука, 1967.
- Штырков С. А. Предания об иноземном нашествии: крестьянский нарратив и мифология ландшафта (на материалах Северо-Восточной Новгородчины). СПб.: Наука, 2012.
- Юрчук Л. А. Псковские предания об исторических лицах (по материалам фольклорного архива ПсковГУ) // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2015. № 2. С. 75–83.

References

- Akmanov, I. G. 1993. *Bashkirskie vosstaniya XVII – nachala XVIII v.* [Bashkir uprisings of the 17th – early XVIII centuries]. Ufa: Kitap.
- Buganov, A.V. 2013. *Lichnosti i sobytiya istorii v massovom soznanii russkikh krest'yan XIX – nachala XX v.: Istoriko-ethnograficheskoe issledovanie* [The individuals and events of history in the mass consciousness of the Russian peasants of the 19th-early XX centuries: historical and ethnographic research]. Moscow: Principle.
- Buganov, A.V. 2009. *Istoricheskie predstavleniya i samoidentifikatsiya russkikh Ryazanskogo kraya* [Historical representations and self –identification of the Russian Ryazan Territory]. In *Russkie Ryazanskogo kraya* [Russians of the Ryazan Territory], 70–87. Moscow: Indrik.
- Wolkov, M. 2012. *Nesvizhskii zamok v Velikoi Severnoi voine (1700–1721 gg.)* [Nesvizhski Zamak at the Great Northern War (1700 – 1721)]. In *Velikoe knyazhestvo Litovskoe i sosedni. Pravo, voina, diplomatiya. Sbornik nauchnykh rabot* [The Grand Duchy of Lithuania and the neighbors. Right, war, diplomacy. Collection of scientific papers], ed. by S. F. Sokol and A. M. Yanushkevich, 219–238. Minsk.
- Gronsky, A. *Severnaya voina v belorusskoi istoriografii 1993–2008 gg. Stat'ya pervaya* [Northern War in Belarusian

- historiography 1993–2008. Article one] // <https://zapadrus.su/zaprus/istbl/1431-severnaya-vjna-belorusskoj-istoriografi-1993-2008-gg.html> (accessed 4.11.2021).
- Gronsky, A. D. 2013. Konstruirovanie obraza belorusskogo natsional'nogo geroya iz uchastnika pol'skogo vosstaniya 1863–1864 gg. Vikentiya Konstantina Kalinovskogo [The design of the image of the Belarusian national hero from a participant in the Polish uprising of 1863–1864. Vikenty Konstantin Kalinovsky]. In *Russkii Sbornik: issledovaniya po istorii Rocsii* [Russian Collection: Studies on the history of the Rosia], ed. by O. R. Ayrapetov, M. Yovanovich, M. A. Kolrov, B. Menning, P. Chesti. Vol XV, 189–208. Moscow.
- Grushkin, A. I. 1941. Petrovskaya epokha v fol'klore [Peter I era in folklore]. In *Istoriya russkoi literatury: v 10 t.* [History of Russian literature: in 10 vol.]. Vol III: Literatura XVIII veka [Literature of the XVIII century]. Part 1, 150–156. Moscow; Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1941–1956.
- Dzhanumov, S.A. and I. N. Raikova. 2021. Petr I i ego vremya v russkom pesennom i prozaicheskem fol'klore [Peter I and his time in Russian song and prose folklore]. *Traditsionnaya kul'tura: Nauchnyi al'manakh* Vol. 22. №. 3: 11–23.
- Duchyts, L. U. and I. Ya. Klimkovich. 2011. *Sakral'naya geografiya Belarusi* [Sacred geographer Belarusi]. Minsk.
- Krayushkina, T. V. 2017. Obraz evropeitsa v traditsionnom predstavlenii russkogo naroda (na materiale poslovits i pogovorok, sobrannykh V. I. Dalem) [The image of the European in the traditional representation of the Russian people (based on the material of proverbs and sayings collected by V.I. Dal)]. *Filologiya i chelovek* 4: 43–51.
- Lukin, P. V. 2000. *Narodnye predstavleniya o gosudarstvennoi vlasti v Rossii XVII veka* [Popular ideas about state power in Russia of the XVII century]. Moscow: Nauka.
- Novik, E.K., I. L. Kachalov and N. E. Novik. 2011. *Istoriya Belarusi. S drevneishikh vremen do 1910 g.* [The story of Belarus. From ancient times to 1910]. Minsk: Higher School.
- Poberezhnikov, I. V. 1994. Narodnaya monarkhicheskaya kontsepsiya na Urale (XVIII – pervaya polovina XIX v.) [The folk monarchical concept in the Urals (XVIII - the first half of the XIX century)]. *Ural'skii istoricheskii vestnik* 1: 31–40. Ekaterinburg.
- Polchaeva, F. A. 2020. Obraz Petra I v istoricheskoi pamyati naseleniya Dagestana [The image of Peter I in the historical memory of the population of Dagestan]. In *Istoriya, arkheologiya i etnografiya Kavkaza* [History, archeology and ethnography of the Caucasus]. Vol. 16. № 4, 888–899.
- Putilov, B. N. 2000. Petr Velikii – fol'klornyi geroi [Peter the Great is a folklore hero]. In *Petr Velikii v predaniyakh, legendakh, skazkakh, pesnyakh* [Peter the Great in the traditions, legends, fairy tales, songs], 3–12. Sankt-Petersburg: Akademicheskii proekt.
- Sokolova, V. K. 1970. *Russkie istoricheskie predaniya* [Russian historical traditions]. Moscow: Nauka.
- Trepavlov, V. V. 2007. «Belyi tsar»: obraz monarkha i predstavleniya o poddanstve u narodov Rossii XV–XVIII vv. [«White Tsar»: the image of the monarch and the idea of citizenship among the peoples of Russia of the XV – XVIII centuries]. Moscow.
- Trepavlov, V. 2013. «Belyi tsar» i «Bol'shoi khozyain» [«White Tsar» and «Big Master»]. *Rodina* 2: 38–41.
- Trepavlov, V. 2017. *Russkii tsar' v nekhristianskikh kul'takh Rossiiskoi imperii* [Russian Tsar in the non Christian cults of the Russian Empire]. *State, religion, church in Russia and abroad* 2: 222–240.
- Trefilov, E. N. 2010. Predstavleniya o tsarskoi vlasti uchastnikov narodnykh buntov petrovskogo vremeni [The ideas about the tsarist power of the participants of the folk riots of Peter's time]. PhD diss. abstract. Moscow: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet.
- Khoteev, A. 2019. O polotskikh uniatakh i uniatskoi mifologii. Kak izgotovlyayutsya istoricheskie paskvili [About the Polotsk Uniates and the Uniate Mythology. How historical Pasquili are manufactured]. In *Elektronnoe izdanie «Fond strategicheskoi kul'tury»*. <https://www.fondsk.ru/news/2019/03/05/o-polockikh-uniatacoj-mifologii-47724.html>
- Tsulaya, G. V. 1972. Kavkazskie skazaniya o Petre I [Caucasian legends about Peter I]. *Sovetskaya etnografiya* 3: 134–138.
- Chistov, K. V. 1967. *Russkie narodnye sotsial'no-utopicheskie legendy XVII–XIX vv.* [Russian folk socio-utopian legends of the XVII-XIX centuries]. Moscow: Nauka.
- Shtyrkov, S. A. 2012. *Predaniya ob inozemnom nashestvii: krest'yanskii narrativ i mifologiya landshafta (na materialakh Severo-Vostochnoi Novgorodchiny)* [Tales about the foreign invasion: peasant narrative and mythology of the landscape (based on the materials of the North-East Novgorodchina)]. Sankt-Petersburg: Nauka.
- Yurchuk, L. A. 2015. Pskovskie predaniya ob istoricheskikh litsakh (po materialam fol'klornogo arkhiva PskovGU) [Pskov legends about historical persons (based on the materials of the folklore archive of PskovSU)]. In *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki* 2: 75–83.

«From that time, Peter the Great began to reign and beat the enemies...»:
THE EMPEROR IN THE MIRROR OF FOLK HISTORICAL REPRESENTATIONS

Abstract. The article makes an attempt to consider popular historical ideas about Emperor Peter the Great. The author considers the perception of Peter I in the context of the traditional system of values, the ideal model of the tsar and the state that meets popular views. Many plots of folk history have analogies, which indicates constant and intense, in spite of any boundaries, relationships. The efforts of the monarch to build the empire, his struggle with internal and external enemies, the prohibitive price of Peter's modernization caused an ambiguous reaction in the picture of the world, found a response in historical consciousness, and received various grades. The development of Peter's creative and patriotic acts put forward development within the framework of a single statehood, but the events in the history of the peoples did not leave completely in oblivion in the history of the peoples.

Key words: Peter the Great, People's Historical Performances, Peasants, Ethnic Confessional Stereotypes, Traditions, Historical Songs.

For citation: Matveyev, O. V. 2022. «From that time, Peter the Great began to reign and beat the enemies...»: the emperor in the mirror of folk historical representations. *Traditsii i sovremennost* 31: 3–21.

